

ГЛАВА 4. НАТПЕВ «НИНЬНУЦЗЯО»

— Ой, глядите! У ворот господина Юя сидит настоящая красавица!

— Где, где? Дай и мне посмотреть!

— Вижу! А что это у неё в руках?

— Хм, даже не знаю.

— Я знаю! Это пипа.

— Пипа? Как те пирожные с мушмулой? А мне больше нравятся бабушкины лепешки с корицей.

— Глупый, это не еда! Только о животе и думаешь. Ой, смотрите, там ещё люди!

Дождь, ливший всю ночь, наконец утих.

Ученики Юй Чуцю, стряхивая с обуви капли утренней росы, небольшими группками потянулись к школе. Миновав бескрайние поля цветущего рапса, они ещё издали заметили у ворот поместья Юй дивную картину. За каменным столом сидела юная дева в алом платье; прикрыв лицо пипой, словно стыдливая героиня старинных песен, она выводила мелодию — звонкую, нежную, замирающую в ушах сладким эхом.

По другую сторону стола замер статный юноша. Белоснежные одежды, пояс и лента в волосах в один тон — он казался воплощением благородства и чистоты, а на груди его поблескивал серебряный замок-оберег. Заложив одну руку за спину, а в другой держа книгу, он неспешно прогуливался за спиной сестры, полностью погружённый в чтение.

На фоне высоких стен и бирюзовой черепицы поместья, в обрамлении золотых полей, эта пара выглядела ожившим шедевром кисти великого мастера, запечатлевшего красоту Цзяннани. Даже деревенские женщины, вставшие ни свет ни заря, замирали в отдалении, боясь неосторожным движением разрушить это мгновение безмятежности.

— Ух ты... как здорово!

— А тот старший брат такой грозный! Прямо как... ну, как Гуань Юй!

— Гуань Юй? Что это за птица? Она летает?

— Темнота! Это герой из «Троеборья». Я в городе про него от рассказчика слышал.

Внимание детей, впрочем, быстро переключилось на третьего незнакомца.

Чуть поодаль от стола рослый детина весом за триста цзиней с невероятной лёгкостью вращал тяжеленный клинок Закрывающейся Луны. Каждое его движение рождало порыв ветра, в каждом жесте чувствовалась мощь, способная сдвигать горы. Голос его, подобный медному колоколу, разносился далеко над полями.

— На пик Курильницы упал закатный луч, и поднялся пурпурный дым... — раздался знакомый, протяжный баритон.

— Здравствуйте, учитель! — хором отозвались дети.

— Здравствуйте, ученики, — ответил Юй Чуцю, приветливо улыбаясь. Поглаживая бороду, он церемонно поклонился и одобрительно кивнул братьям и сестре Су.

Увидев хозяина дома, троица тут же оставила свои занятия и поднялась, чтобы поприветствовать его.

— Учитель, а кто это? — самый маленький из учеников робко потянул Юй Чуцю за край одежды и спрятался за его спину, с любопытством поглядывая на незнакомцев.

Юй Чуцю присел, приобняв мальчика, и мягко пояснил:

— Это мои гости, теперь они будут жить здесь. Сын мой, как говорил Конфуций: «Не зная ритуала, не сможешь утвердиться в жизни». Нужно быть вежливыми. Эти люди старше вас, а значит, вы должны относиться к ним с почтением. Понимаете?

— Понимаем! — дружно выдохнула ребятня.

Юй Чуцю довольно кивнул и, обернувшись к гостям, предложил:

— Ну что, давайте тогда познакомимся?

— Давайте! — зааплодировали дети, их лица так и сияли от восторга.

Троица Су переглянулась. Великан сделал шаг вперёд и гулким, серьёзным голосом произнёс:

— Я старший, зовут меня Су Цзыянь. Мне семнадцать. А это моя сестра, Су...

— Су Цзычуань, — прервала его красавица, одарив детей лучезарной улыбкой. Она смотрела с мягким блеском. — Мне пятнадцать. А это наш младший.

— Я — Су Цзытянь, мне четырнадцать. Рад знакомству! — Юноша в белом улыбался так искренне и дружелюбно, что сразу расположил к себе всех присутствующих.

Раздался шквал аплодисментов.

— Учитель... я не запомню... — почесал затылок один из мальчишек.

— Не беда, — Су Цзытянь прищурился, демонстрируя ряд ровных жемчужных зубов. — Можете просто звать нас «старшими братьями» и «старшей сестрой».

Юй Чуцю вовремя пришёл на помощь:

— Сегодня на уроке мы будем учить стихотворение великого Ли Бая — «Взирая на водопад в горах Лушань». В нём спрятаны имена наших гостей. Выучите стихи — и имена запомните сами собой.

— Ли Бай? — дети в недоумении переглянулись.

— Ли Бай — это Ли Белый, а водопад — это когда из ведра вода падает!

Внезапно от дверей поместья донёсся насмешливый голос. Дети обернулись и увидели Ян Ихая. С растрёпанными волосами и в небрежно наброшенном халате, он прислонился к косяку, напоминая сонного, но язвительного демона.

— Глава! — Ван Сяоху мгновенно подскочил к нему, вытянувшись в струнку.

Юй Чуцю направился к другу.

— Что это ты сегодня так рано? Мог бы ещё поспать.

— Да уж уснёшь тут! — Ян Ихай косо посмотрел на троицу Су. — С самого рассвета какая-то дура хлопает по струнам, будто хлопок чешет! Ладно бы просто тренькала, так ещё и завывает. Песней это не назовёшь — чисто крик недорезанной курицы!

— Ты!.. — Су Цзычуань едва не сорвалась с места. Она то бледнела, то краснела от гнева. Лишь рука Су Цзытяня, вовремя лёгшая ей на плечо, удержала девушку от опрометчивого шага.

Юй Чуцю замялся. Он не ожидал, что Ян Ихай всё ещё в дурном расположении духа и готов обляять любого встречного. Чтобы избежать скандала, он поспешил увести учеников в дом.

Ян Ихай тем временем обошёл Юй Чуцю и остановился перед Су Цзынянем. Задрал голову, чтобы заглянуть в лицо девятифутовому гиганту, он презрительно сощурился и выдал:

— Ого... Так это ты у нас Су Цзынянь — «Пурпурный Дым»? Пфф! Никогда не видел такого здоровенного «дыма». Ну-ка, взлети, покажи класс!

Су Цзынянь промолчал, хотя желваки на его лице заходили ходуном, а он яростно сверкнул тигриным взглядом.

— Хм? — Ян Ихай склонил голову набок, разглядывая черты лица великана. — А ты на этих двоих совсем не похож.

Он ткнул пальцем в сторону брата и сестры.

— Ещё бы! — не выдержала Су Цзычуань. — Мы от разных матерей!

— А-а-а... — Ян Ихай перевёл взгляд с одного на другого, недобро усмехнувшись. Он бесцеремонно запрыгнул на каменную скамью и с издёвкой спросил, глядя на девушку: — И кто же из вас от наложницы?

— Ты!.. — Красавица вскипела, хватаясь за пипу как за дубину, но младший брат снова её остановил.

— Мы с сестрой дети младшей жены, — ответил Су Цзытянь с такой обезоруживающей, невинной улыбкой, что у Ян Ихая по спине пробежал холодок. Этот взгляд напомнил ему очковую кобру, готовую к броску.

Ян Ихая передернуло, он поспешил отвернуться и напоследок скорчил рожу Су Цзычуань:

— Ха! То-то я смотрю — рожа лисья, глаза косые... Сразу видно — потаскуха!

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?! Я ТЕБЯ ПРИШИБУ!!! — Красавица в мгновение ока превратилась в разъярённую тигрицу и бросилась через стол на обидчика.

— Оп-ля! — Ян Ихай легко увернулся от выпада, про себя усмехнувшись.

Ему казалось, что эта троица — суцая стая хищников: шакал, волк и тигр. А если прибавить его самого — леопарда, то для Юй Чуцю компания подобралась что надо: полный набор «диких зверей».

Сам же Юй Чуцю, наблюдая за ними из окна, пребывал в блаженном неведении. Он видел в этой сцене домашний уют. Субъективно он видел перед собой лишь кошку, собаку и крохотного поросёнка, за которыми присматривает звонкая иволга.

Когда первые лучи солнца окончательно залили землю, старое поместье Юй, спавшее почти полвека, вновь зашумело, становясь сердцем деревни Ван. Смех детей, ругань молодёжи... Что ж, жизнь определённо возвращалась в эти стены.

<http://bllate.org/book/17540/1700709>